

«НАЧАША ОТ ПИСАНИЯ РАССУЖДАТИ И ДОКАЗЫВАТИ ...»:
СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ТРУДЫ О САМОСОЖЖЕНИЯХ
(КОНЕЦ XVII – XVIII ВЕК)

М.В. Пулькин^{*}

Вскоре после церковных реформ, проведенных патриархом Никоном, самосожжения стали неотъемлемой частью религиозной жизни Руси. Правительственные репрессии в отношении самосожженцев образно выражаясь «добавляли масла в огонь»: «гари» становились все более массовыми¹. Развитие «самогубительной смерти», стремительное распространение разнообразных форм самоубийств по территории России становилось возможным только благодаря активной деятельности старообрядческих наставников, находящих всестороннюю поддержку в старообрядческих поселениях². Эти поселения возникали на многих малонаселенных окраинах Российского государства, прежде всего – на Европейском Севере и в Сибири. Так выглядел исторический фон, на котором в старообрядческой среде разворачивалась дискуссия о самосожжении.

На Европейском Севере России в конце XVII – начале XVIII в. заметным центром проповеди самоубийств стало Выговское общежительство³. Ему суждено было в ближайшем будущем стать оплотом беспоповского старообрядчества России, и именно там формировался положительный взгляд на самосожжение. В ряду местных проповедников самосожжений особое место занимает Семён Денисов – талантливый литератор, выговский «киновиарх» и брат известного старообрядческого деятеля Андрея Денисова – одного из основателей Выговского общежительства. Идея о пользе самосожжений для спасения души, богоизбранности организаторов «гарей» проявилась в одном из первых его произведений – «Повести об осаде Соловецкого монастыря».

^{*} Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск)

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Программы ОИФН РАН «Власть и общество в истории».

¹ Пулькин М.В. Российское государство и старообрядцы-самосожигатели в XVII–XVIII вв. // Клио. Журнал для учёных. – СПб., 2006. – № 3. – С. 93–102.

² См. об этом подробнее: Пулькин М.В. «Славные учителя самогубительных смерти» и их последователи (о самосожжениях старообрядцев в конце XVII – XVIII в.) // «Мужское» в традиционном и современном обществе. – М., 2004. – Вып. 2. – С. 189–196.

³ Имеется в виду старообрядческое Выговское общежительство, существовавшее в 1694–1854 гг. В настоящее время на его месте расположена д. Данилово Медвежьегорского р-на Республики Карелия. О нём имеется огромное количество исследований. (См. о Выговском общежительстве подробнее: Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и культура. – М., 2002. – Т. 1–2).

Излагая биографию соловецкого монаха Германа, «смиренномудрого и крепкого», С. Денисов указывает, что будущий организатор крупного самосожжения избавился от «темничного озлобления» «божию милостью на спасение многих». Вскоре он стал проповедником массовых самоубийств и, наконец, сам «огнепалением от здешних в будущая преселивыйся добре»⁴, т. е. отправился в иной мир для вечной райской жизни – награда за успешную проповедь и осуществление самосожжений. Продолжение проповеди самосожжений обнаруживается в другом произведении С. Денисова — «О сибирских страдальцах» (в исторической литературе она получила название «Повесть о Тарском бунте»). В нём автор высказывает глубокое почтение перед теми, кто погиб «благочестным огнесожжения скончанием»⁵. Рассуждая о тех, кто помышлял о самосожжении, тщательно готовился к нему и впоследствии его совершил, С. Денисов пишет: «... и древни благочестия ревнители многажды от гонения и нападания мучителей тако себе различным смертем предаваху, их же святая церковь яко мученики прославляет»⁶.

Подобное изложение обстоятельств старообрядческих самосожжений в трудах выговских писателей стало своего рода реформой агиографической литературы. Для дрвнерусского православия, утверждает М.Б. Плюханова, «особенное почитание мучеников» не являлось характерным элементом. Поэтому новая старообрядческая агиография в первую очередь обратилась за образцами к традиции прославления мучеников, сложившейся в первые века существования христианства⁷. М.Б. Плюханова пишет: «К весьма небольшой и скромной группе дрвнерусских мучеников старообрядческая традиция присоединила легион новых, реализовавших канон мученического жития несравненно полнее, чем прежние»⁸. Участие в массовом самоубийстве рассматривалось выговскими проповедниками не только как возможная, но и необходимая мера, противопоставленная «окаянному животу», т. е. неправедной жизни в «мире Антихриста». В их числе выдающееся место занимает выговский уставщик, один из крупнейших старообрядческих писателей Пётр Прокопьев⁹. В своей проповеди, преизносящей «огненную смерть», он мог опереться на слова современника – знаменившего духовного писателя протопопа Аввакума, который благословлял самосожженцев следующими словами: «Добро те сделали, кои в огне-т забежали. Мы же разсуждали между собою: кажется, не худо оне сделали, да не осквернят риз своих, еже есть святое крещения, и во огнь себе ринули и в воды»¹⁰.

Как утверждает, опираясь на старообрядческие источники, А.К. Бороздин, наряду с реальными высказываниями протопопа Аввакума в пользу «гарей», некоторые старообрядцы распространяли и использовали для обоснования самосожжений поддельные, якобы принадлежащие его перу послания, горячо приветствую-

⁴ Повесть об осаде Соловецкого монастыря // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. – М., 1988. – Книга первая. – С. 186.

⁵ Мальцев А.И. Неизвестное сочинение С. Денисова о Тарском «бунте» 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. – Новосибирск, 1982. – С. 228.

⁶ Там же. – С. 235.

⁷ Плюханова М.Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. М., 2000. – Т. 3. – С. 421.

⁸ Там же. – С. 423.

⁹ См. о нём подробнее: Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. – М., 1996. – С. 223.

¹⁰ Послание сибирской «братии» // Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Робинсона. – М., 1991. – С. 225.

щие «самогубительную смерть»¹¹. Многие умеренные старообрядцы «возмущались Аввакумом за его подстрекательства к самосжиганиям и строго осуждали его за прославляющие “гари” послания»¹². Но их авторитет не был столь же силён, как духовное влияние талантливого протопопа. Исключительно высокое значение Аввакума для распространения старообрядческого вероучения и его вполне успешные призывы к самосожжениям подчёркиваются некоторыми известными исследователями¹³.

Современники вполне могли считать, что Пётр Прокопьев продолжил дело, начатое протопопом Аввакумом. В то же время традиционная для старообрядческой литературы идея завершения всемирной истории, приближения Страшного Суда в его произведении не является центральной. Автор предпочёл сосредоточиться на указаниях о том, кто именно и каким путём может спастись в наступающие «последние времена». «Сей путь спасительный и богоугодный, – говорилось в послании Петра Прокопьева одному из основателей Выговского общежительства Даниле Викулину, – еже во время нужды благочестивыя ради нашей христианский веры от гонителей себе смерти предати, в огнь или в воду или ино никако, паче же с немощными сиротами и престарелыми и маловозрастными отрочаты, не могущими никако укрытия». Самосожжение он считал благом для тех, кто опасается не «смерти телесныя», а гораздо большего – «от Господа нашего отступления»¹⁴.

Указания противников самосожжений на то, что самоубийство противоречит идеалам Священного Писания, вызывали у него недоумение. Прокопьев утверждал, что многие праведники, жившие в первые века христианства, предпочитали ту или иную разновидность смерти осквернению. Указание на их пример стало для П. Прокопьева мощным аргументом в заочном споре с противниками самосожжений: «... и святыя праведники и Богу угодники сия сотворившия, и есть ли где в Божественном Писании запрещено о сих, и который собор отверже таковая, или кто от святых возбрани тому быти, поищеши и не обрящеши»¹⁵. Напротив, добровольная гибель за «благочестие» расценивалась как богоугодное дело, начало которому было положено ещё в первые века христианства, когда во время массовых казней христиан многие из них «христовою любовью разжегшеся, яко в некую прохладу во огнь себе вметаху»¹⁶.

Пётр Прокопьев создал обширный, впечатляющий список мучеников за веру, добровольно погибших в огне «благочестия ради». В их числе оказалась не канонизированная церковью, но известная по историческим документам рязанская княгиня, которая предпочла смерть татарскому плена. Таким образом, самосожжение расценивалось не только как гибель за веру, но и как страдание «целомудрия ради и чистоты». Аналог поступку рязанской княгини Прокопьев обнаруживал

¹¹ Бороздин А.К. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII в. – СПб., 1900. – С. 312.

¹² Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. – М., 1995. – С. 374.

¹³ Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. – М., 1978. – С. 102; Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII в.). – Свердловск, 1987. – С. 37, 43.

¹⁴ Письмо Даниилу Викулову от Петра Прокопьева. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОРНБ). – Q XVII. – № 200. – Л. 241.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. – Л. 241, 241 об.

в поступке первой христианки Пелагеи, которая, «веры ради Христовой, на мучение бысть сыскана». Зная нравы своих гонителей, «боящися да не насилено будет девство ея», она бросилась вниз «с высокого окна», «а падши разбися и умре».

Одна из наиболее подробных историй в письме Петра Прокопьева посвящена преподобному Мартиниану, который от гибельных соблазнов мира спасался на скале посреди моря. Но дьявол не желал оставить праведника в покое: увидев на море «корабль пловущ, в нем же бяху мужи и жены», сатана направил судно на скалу. В результате кораблекрушения, как и замышлял враг человечества, осталась в живых лишь одна девица. Приплыв к скале, на которой спасался Мартиниан, она стала взывать к помощи: «Помилуй мя, рабе Божий, и не остави мя погибнути!». Преподобный не мог отказать в помощи несчастной страдалице и протянул ей руку. Увидев её, красавицу, «красну сущу», он взмолился Богу: «Господи, не остави меня погибнути, на полезное души моей устрой!» После этого, обращаясь к спасённой девице, он сказал, используя распространённую среди старообрядцев метафору о необходимости разделения мужчин и женщин для спасения души и противодействия греховным помыслам: «Воистину невместно быти сену с огнем вкупе!» Объяснив своей прелестной подопечной, где найти еду и когда приплывёт «кораблик», привозящий воду и продукты, он пожелал ей: «... да сохранит душу свою от всех вражеских наветов», бросился в море и погиб.

Галерея всевозможных образцов для подражания («смотрителных образов») в письме Петра Прокопьева завершается рассуждением об актуальности примера древних в современном мире: «Но речет ли кто смотрителныя сия образы, еже благоверия ради себе смерти предаша, мнози святыя в древних временах: а ныне сему не достоит быти?»¹⁷. Ответ, как полагал известный старообрядческий наставник, очевиден. Тот, кто пострадает по образу и подобию «древних оных вышеписанных святых», будет удостоен венца и похвал в «Царствии Небесном» «от общего всех праведного Судии, Владыки и Бога»¹⁸. Основной вывод послания заключается в том, что самосожжение, а также иные разновидности самоубийства («во огнь или в воду или ино никако») являются не столько способом избежать мучений и пыток от «гонителей», сколько кратчайшим путём к вечному небесному блаженству. Смерть «Христа ради» приравнивает каждого к святым мученикам первых лет христианства: «за него же (Бога. – М.П.) умре, яко же и древле святыи»¹⁹.

Идея о самосожжении проявилась в труде другого известного старообрядческого деятеля, основного «историографа» и – в течение многих лет – настоятеля Выговской пустыни Ивана Филиппова. Неоднократно обращаясь к проблеме самосожжений в своей грандиозной истории старообрядческого «общежительства», он подчёркивает превосходство самосожженцев над теми, кто беспощадно преследовал их во «времена гонительные». Так, в описании первого самосожжения в Палеостровском монастыре Иван Филиппов пишет о страхе присланного по царскому указу «воинства» перед пламенем самосожжения: «... пламень бо всю церковь обхвати и пойде огонь вверх, аки столп, воинство же и все люди отступиша от церкви и бысть на них страх велик». Причиной страха «никониан» перед смертью в огне Иван Филиппов считал вероотступничество: «... не бо христови бяху

¹⁷ ОРНБ. – Q XVII. – № 200. – Л. 243.

¹⁸ Там же. – Л. 243, 243 об.

¹⁹ Там же.

ученици и последователи... страшен им бяше огонь вещественный, понеже огня любве Божия не имаху»²⁰.

Вопрос о том, какой способ смерти предпочтительнее: самосожжение, самоутопление, запошивание (гибель от голода в результате длительного поста) или самозаклание – в конце XVII в. оставался открытым. В послании Петра Прокопьева приведены примеры разнообразных самоубийств во имя веры и приветствуется любая форма самоубийства «благочестия ради». Реалии противостояния власти и старообрядчества, казни в огне, а также народное восприятие огня как очищающей силы привели к тому, что именно «гари» стали предпочтительной формой «самоубийственной смерти». Об этом пишет М.Б. Плюханова: «Уловив связь представлений, окружавших гари, с фольклорной символикой, можно различить в них образ Страшного Суда, самовольно творимого. Видимо, именно фольклорной картиной Страшного Суда был определен в XVII в. выбор огня как общераспространенной формы самоубийства»²¹. Аналогичной точки зрения придерживается современный исследователь старообрядческой идеологии Р.Г. Пихоя²².

Этот автор, на мой взгляд, прав и в другом: в пропаганде раскола главная роль отводилась «не специальным полемическим сочинениям, защищавшим основы староверия, а старым изданиям обычных богослужебных книг»²³. Этот вывод применим и к «гарям»: самосожжение находило косвенное оправдание в Священном Писании, в котором с огнём отождествляется пламенная любовь (Пес. VIII, 6), Слово Божие (Иер. XXIII, 29) и даже сам Бог называется «огнем поядающим» (Втор. IV, 24; Евр. XII, 29)²⁴. Старообрядцы расценивали огонь самосожжений как особую, благодатную силу, которая не способна причинить вред. Единственное её предназначение – перенести души праведников в загробный мир²⁵. Так, во время первого самосожжения в Палеостровском монастыре, по утверждению Ивана Филиппова, «пламень» не тронул другие, стоящие рядом монастырские церкви, хозяйствственные постройки и тех находящихся рядом людей, кто не имел прямого отношения к самосожжению: «... иного здания в монастыре и людей никако же опали, ниже повреди»²⁶.

Являясь нарушением требований христианской морали – запрета на самоубийство, самосожжение становилось возможным при чрезвычайных обстоятельствах. Таковыми старообрядцы считали наступление последних времён, воцарение Антихриста, которое, по «представлениям и вычислениям книжников того века, падало на время между 1660 и 1666 годами»²⁷. Ссылки на примеры из Священного Писания о предпочтительности гибели перед «окаянным животом» постоянны в старообрядческих произведениях, обосновывавших необходимость самосожже-

²⁰ История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. – СПб., 1862. – С. 42.

²¹ Плюханова М.Б. О некоторых чертах народной эсхатологии в России XVII–XVIII вв. // Уч. зап. Тартуского ун-та. – 1985. – Т. 645. – С. 60.

²² Пихоя Р.Г. Указ. соч. – С. 50.

²³ Там же. – С. 191.

²⁴ Подробнее об этом см.: Огонь // Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Труд и издание архимандрита Никифора. – М., 1990. – С. 525.

²⁵ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. – М., 1998. – С. 362.

²⁶ История Выговской старообрядческой пустыни. – С. 42.

²⁷ Щапов А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи со внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в первой половине XVIII в. // Сочинения А.П. Щапова. – СПб., 1906. – Т. 1. – С. 217.

ний. Иван Филиппов, выговский историк и настоятель, был убеждён, что Священное Писание ясно указывает на предпочтительность смерти перед неправедной жизнью: «... живот горькой окаяннейший смерти во Святом Писании нарицается», самосожжёны, по этой логике, презрели «таковой проклятый живот» и возлюбили «смерть блаженную за законы церковные»²⁸.

Противники самосожигателей – по сути дела, первые внимательные исследователи идеологии старообрядчества – указывают на конкретные фрагменты Священного Писания, используемые в старообрядческой проповеди. В конце XVII в. сибирский митрополит Игнатий (И.С. Римский-Корсаков) вынужден был опровергать распространённое среди старообрядцев представление об очищающей силе огня и, особенно о втором, огненном, крещении. При помощи ссылки на широко известный фрагмент Евангелия (слова Иоанна Крестителя), который часто зачитывали во время богослужений в церквях (текст из Евангелия от Матфея (Матф. 3, 11): «Аз убо водою крещаю вы, грядет же креплий мене, ему же несмь достоин отрешити ремень сапогу его, той вы крестит духом святым и огнем»²⁹), старообрядцы вели людей на «гари». К этому доводу в конце XVII в. прибегал один из первых организаторов самосожжений в Сибири, некий «окаянный Дометиан». Митрополит Игнатий по-своему истолковал этот текст: будут крещены огнём, т. е. сгорят, не праведники, а грешники. Ведь это – «геена огненная», предназначенная для противников православия: «... огнем конечным крестит Христос противных, а не Бога мудрствующих его»³⁰.

Послания сибирского митрополита, в отличие от старообрядческой пропаганды, не имели успеха. Этому способствовали ссылки на произвольно трактуемые фрагменты Священного Писания. Вполне возможно, что некоторое влияние на происходившие события оказывали весьма своеобразные обряды «пещного действия», совершившиеся в XVII столетии в некоторых приходских церквях Вологды, Новгорода и Москвы. «Обряд пещного действия состоял в наглядном изображении того события, которое воспето у Даниила... Три еврейских отрока: Анания, Азария и Мисаил отказались поклоняться вавилонскому кумири и по повелению Навуходоносора были брошены в раскаленную печь, но чудесным образом остались невредимы»³¹. Многим верующим ситуация, описанная в Библии, казалась вполне аналогичной той, которая складывалась на Руси после никоновских реформ, а поэтому и мысль о душевном спасении в огне казалась вполне актуальной.

В дальнейшем повсеместно в России старообрядцы и многие сочувствующие им «поселяне» воспринимали самосожжение как наиболее эффективный способ вечного и необратимого избавления от власти Антихриста. В то же время к началу XVIII в. авторитетные старообрядческие наставники, основатели Выговского общежительства, прежде всего братья Денисовы, высказывались по актуальному вопросу о самосожжениях более осторожно. Им пришлось опровергать отвратительное обвинение в преднамеренном провоцировании самоубийств с корыстными це-

²⁸ История Выговской старообрядческой пустыни. – С. 42.

²⁹ Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского, изданные в «Православном собеседнике». – Казань, 1857. – С. 125.

³⁰ Там же. В дальнейшем этот довод проповедников самосожжений упоминается при характеристике идеологии филипповского толка в старообрядчестве (Геринг И. Раскол и секты русской церкви. – СПб., 1903. – С. 101).

³¹ Савинов М.П. Чин пещного действия в Вологодском Софийском соборе. Историко-литературно-археологический этюд // Русский филологический вестник. – 1890. – № 1. – С. 30.

лями – для того чтобы завладеть имуществом погибших. Одновременно выговские старообрядцы вновь подтверждали, что самосожжение является для них вполне обоснованным и, при определенных условиях, необходимым деянием. Как говорилось в ответах выговских старообрядцев на вопросы священника Олонецких Петровских заводов Иосифа, датированных 1705 г., «пощади, Боже, души наша от такого суетудрия, еже бы нам за прибыток любовещнаго имения человеков в пожжение оболщевати, сие в нас никогдаже бысть, ни быти хощет». Однако следование старообрядческому вероучению они видели в неразрывной связи с добровольной смертью: «Но имамы мы учение церковное, еже *точию за сохранение благочестия смерть паче произволяти* (курсив мой. – М.П.), неже со отвержением истины наслаждатися богатств и сладостей немирного сего мира»³².

Действительно, проповеди старообрядческих наставников о самосожжениях постепенно, со временем становились «более краткими, простыми»³³. И всё же теоретическое обоснование допустимости массовых самоубийств сохранялось в старообрядческой среде, приобретая форму страстной проповеди. Так, известный публицист XVIII в., выговский ренегат Григорий Яковлев³⁴ приводил следующие расхожие высказывания наставников самосожженцев: «Аще ли мните не стерпети от чужих рук биения и ран и мук, то сами себе предавайте смертем кто как может, всюду сами утопающиеся, ножем или иным чем сами зарезывающиеся и колющиеся». Если же не удастся умереть таким способом, то, продолжал излагать мысли самосожженцев Григорий Яковлев, следовало прибегнуть к огню: «... уготовайте, напредь где усмотрев, храмину твердую соломою и смольем и скалою наполнивше, и собравшееся многим числом, сколько где возможно больше, мужей же и жен, и девиц, и отрочат, и малых робят, и младенцев сущих, и тако от гонящих по указу и ищущих вас сожигайтесь сами, а в руки не предавайтесь». За страдания самосожженцев ждёт щедрая загробная награда: «Бог вас благословит, а паче же вас благословляют на то все новые русские страдальцы нынешние»³⁵.

В качестве важнейшего оправдания массовых самоубийств использовался традиционный для старообрядческой литературы «конца» аргумент – «видения». Эти повествования опирались на древние представления о загробном мире как «иной» форме жизни, из которой человек при определённом стечении обстоятельств мог вернуться к обычному земному существованию³⁶. Старообрядческие «видения» известны со времени возникновения старообрядческого движения, их бытование продолжалось и в XX в.³⁷ Так, само появление «новой веры», согласно одному из «видений», слухи о котором распространялись среди чернечев осаждённого царскими войсками Соловецкого монастыря, произошло мистическим и зловещим образом. Обрядовые нововведения принесли на Русскую землю два «ве-

³² Цит. по: Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. – М., 2002. – Т. 1. – С. 52–53. См. также: Юхименко Е.М. Неизвестная страница полемики выговских старообрядцев с официальной церковью: предыстория «Поморских ответов» // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 1999. – Т. 51. – С. 414.

³³ Романова Е.В. «Самовольные смерти» в старообрядчестве: учение и истоки. // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: Сб. ст. – СПб., 2002. – С. 239.

³⁴ См. о нём подробнее: Яковлев Григорий // Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. – С. 314–315.

³⁵ Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины. – М., 1888. – С. 29.

³⁶ Дергачёва И.В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. – М., 2004. – С. 12.

³⁷ Фишман О.М. Пророчество и визионерство в федосеевской традиции XX в. // Христианский мир: религия, культура, этнос. – СПб., 2000. – С. 258–263.

ликих черных эфиопа», а до этого тщательно подготавливались в аду в течение 30 лет самим Сатаной и его сподвижниками – еретиками³⁸.

Старообрядческие «видения», связанные с самосожжениями, довольно специфичны. В них отразились древние, дохристианские представления о загробном мире как о неразделённом на ад и рай пространстве, где души грешников и праведников пребывают практически рядом. Старообрядцы – создатели текстов о «видениях» – утверждали, что на «том» свете сгоревшие пребывают «во светлом месте и в венцах», а не пожелавшие «самозгорети» неподалёку прикованы к вечно вращающемуся колесу³⁹, символизирующему, вероятно, бесцельную жизнь в мире Антихриста. (Иногда «мучение на адском колесе» изображалось в русской народной прозе как одна из мук, уготованных грешникам⁴⁰). «Бесспорные» аргументы, исходящие из загробного мира, должны были окончательно решить спор о самосожжениях. Поэтому старообрядцы, как противники, так и сторонники самосожжений, вновь и вновь обращались к жанру «видений».

В 1748 г. из-под пера неизвестного автора появился ещё один старообрядческий литературный памятник, относящийся к этому жанру: «Видение некоей старухи». В нём утверждалось, что некая старуха «объумирала в полнощ и видела видение страшное». Наутро, прийдя в «чювство», она рассказала о посещении загробного мира и судьбах его обитателей. По её словам, сгоревшим в Березовом Наволоке (август 1687 г.) и в Совдозере (конец XVII в., более точная дата неизвестна) на том свете определено «место и поле добро», но похуже, чем настоятелю Выговской пустыни и известному старообрядческому писателю Семёну Денисову (который, кстати говоря, поддерживал идеи тех, кто призывал к самосожжению). Ведь он погиб своей смертью, а не скончался в «самогубительном» пламени.

«Водяции» (сопровождающие по загробному миру) объяснили старухе: «Того ради им похуже место дано, понеже подкупили тех, кои их сожгли, чтоб сожгли их». Но в самом неблагоприятном положении оказались «горелыя у Волозера»: они постоянно пребывали в едком дыму. По утверждению старухи, перед самосожжением они не подвергались гонениям со стороны «никониан», т. е. «не от нужды скончашася». За это они сурово наказаны Богом: «... того ради им такое дымное место». Один из выводов, который создатели «видения» стремились донести до читателя, вложен в уста обитателей загробного мира: «И ты скажи людем, что бы без нужды не горели, пусть бегают и нужду приемлют»⁴¹.

Истории о судьбе самосожженцев в загробном мире дополнялись «видениями» о происходящем на местах самосожжений. Так, в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова изложены наблюдения «караула на огнище» – то, что видели солдаты, охранявшие место второго палеостровского самосожжения. Как утверждал старообрядческий историк, в одну из ночей на место, где ещё недавно бушевал огонь, спустился огненный столп, «разными цветы цветущий», из кото-

³⁸ Чумичева О.В. Соловецкое восстание 1667–1676 гг. – Новосибирск, 1998. – С. 114.

³⁹ Пигин А.В. Жанр видений как исторический источник (на выговском материале XVIII в.) // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. – Петрозаводск, 2000. – С. 219–220.

⁴⁰ Пигин А.В., Разумова И.А. Эсхатологические мотивы в русской народной прозе // Фольклористика Карелии. – Петрозаводск, 1995. – С. 66.

⁴¹ Пигин А.В., Юхименко Е.М. К истории жанра видений в выговской литературной школе («Видение некоей старухи» в 1748 г.) // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. науч. ст. и мат. – СПб., 2003. – С. 137.

рого вышли трое. Судя по облачению, это были два священника и дьякон. Оказавшись на земле, они совершили обряд, напоминающий крестный ход: «... хождаху они мужие около огнища на посолонь⁴², един в руках имея крест, благословляющий и ограждая огнище, а другой чашу нося с водою и кропя огнище, а третий имея у себе в руках кадило со углем и фимиамом и кадяще огнище, по обычаю дьяконскому». При этом все трое тихо пели какую-то молитву. Троекратно обойдя место самосожжения, они вошли в столп и исчезли. После такого «чудного видения» изумленные караульщики решили, вопреки обыкновению, похоронить всех участников самосожжения, собрали их «кости и телеса», закопали и на могиле поставили «сруб в три бревна»⁴³.

«Видения», связанные с «гарямя», становились мощным аргументом в длительном споре старообрядческих наставников. Одновременно действия властей в конце XVII в. создавали такую обстановку, при которой идея самосожжений могла стать привлекательной для старообрядцев. В первые годы после начала реформ патриарха Никона и гонений на «древнее благочестие» многих замеченных в симпатии к старообрядцам сжигали в срубах. Так, первому сибирскому самосожжению, Березовской гари 1679 г., предшествовало 28 февраля 1676 г. «первое сожжение старообрядцев тобольскими властями, действовавшими в рамках общерусского репрессивного законодательства»⁴⁴. Таким способом приверженцы «древлего благочестия» демонстрировали свою неустрешимость. Казни за убеждения имели место в ряде местностей России. Наиболее известными страдальцами за веру стали протопоп Аввакум и его сподвижники, сожжённые в срубах и в дальнейшем канонизированные старообрядцами. Сожжение менее известных сторонников «древлего благочестия» стало в XVII в. обычной мерой противодействия церковному расколу.

В январе 1672 г. по приговору царя Алексея Михайловича и Боярской Думы сожжению в срубе подвергся старец Трофим, из вотчины Троице-Сергиева монастыря. Перед казнью выяснилось, что многие годы он носил с собой просфору из Соловецкого монастыря, почитаемого старообрядцами за идейное сопротивление никоновским «новинам», а затем – долгое вооружённое противостояние правительенным войскам. Просфора оказалась изломанной «в крухи», но старообрядец не расставался с ней специально для того, чтобы использовать в последние минуты жизни: как говорилось в документе, «при смерти ему к причасщению». Жестокий приговор предписывал: «... велеть ево зжечь в срубе, чтоб такое зло впредь не размножилося, и на то смотря, иные такие ж воры впредь не воровали»⁴⁵.

Аналогичные репрессии обрушились и на рядовых участников старообрядческого движения. Так, в 1683 г. несколько кольских стрельцов подали «извет» воеводе З.И. Полозову о «стрелецкой жене» Маврутке. В документе указывалось, что «в церковь де Божию во время святого пения она де не ходит», что в этот период

⁴² Посолонь – повторяя движение солнца по небу. Таким образом, эти персонажи «видения» совершили крестный ход по старообрядческим правилам, упраздненным во время реформ патриарха Никона.

⁴³ История Выговской старообрядческой пустыни. – С. 64.

⁴⁴ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. – Новосибирск, 1991. – С. 345.

⁴⁵ Приговор царя Алексея Михайловича и Боярской Думы старцу Трофиму // Документы Разрядного, Посольского, Новгородского и Тайного приказов о раскольниках в городах России. 1654–1684 гг. – М., 1990. – С. 76–77.

являлось бесспорным доказательством приверженности старообрядческой идеологии. Предпринятые местным духовенством попытки увещевания не достигли успеха. Когда игумен Кандалакшского монастыря Иоасаф «почал ее крестом благословлять, и она на игумена начала плевать и говорила игумену: “отоиди де ты от меня, враг, прочь”». Некоторое время спустя Маврутка была сожжена для устрашения прочих потенциальных врагов Церкви: «... чтобы на то смотря, иным неповадно было таких неистовых богохульных речей говорить»⁴⁶.

В 1684 г. по доносу дьякона Ивана Григорьева церковный суд рассмотрел дело о приверженном старообрядческому вероучению кольском стрельце Иване Самсонове. «Его троекратно пытали, а затем после наказания кнутом сожгли на костре»⁴⁷. Список подобного рода ситуаций можно продолжить. В 1666 г. за проповедь «древлего благочестия» был сожжён в Москве старец Вавила. В тексте обвинительного приговора старцу указывалось: «... образом Божиим не поклонялся, и церкви Божии называл будто осквернены, и к тем церквам и к отцом духовным приходить пречистых Христовых Таин причащащца будто никому не доведетца, и на крестное знамение ты плевал, и иные непригожие речи говорил»⁴⁸.

Первые старообрядцы, таким образом, демонстрировали силу духа и неустрашимость перед лицом гонений, а пример новых российских мучеников, погибших в огне, служил им образцом для подражания. Тем не менее противники никоновских реформ, совершившие самосожжение, чувствовали уязвимость своих богословских теоретических построений. Поэтому, «чтобы не самим себя поджигать», они в некоторых случаях старались переложить ответственность на штурмующую их убежище воинскую команду. Заперев дверь на засов, перед порогом ставили зажжённую свечу, а на пол наваливали солому. При первом же толчке в дверь свеча падала, начинался пожар, и самосожжение совершалось⁴⁹. Похожие описания последних секунд перед «гарью» неоднократно встречаются в «Истории Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова. Так, в описании первого самосожжения в Палеостровском монастыре вся вина за разгоревшийся в церкви пожар и самосожжение возлагается на царские войска. Стрельба из пушек по монастырской церкви, утверждал Иван Филиппов, привела к началу огненной трагедии: «И егда начаша с пушек стреляти по церкви и пришедшее ядра в церковь свещи вся срониша на пожегу»⁵⁰. Во время второго самосожжения, по утверждению того же автора, ситуация повторилась⁵¹.

Нередко на помощь старообрядческому преданию приходили древние народные верования об очищающей силе огня, которые по-своему подкрепляли идеи самосожигателей. Известно, что «для народной религиозности всегда весьма важно представление об очищающей и воскрешающей силе пламени»⁵². Здесь необходимы пояснения. При изучении самосожжений возникает соблазн связать их

⁴⁶ Приговор Марье Григорьевой // Документы Разрядного, Посольского, Новгородского и Тайного приказов о раскольниках в городах России. 1654–1684 гг. – С. 95.

⁴⁷ Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. – М., 1964. – С. 44.

⁴⁸ Приговор следственной комиссии Тайного приказа старцу Вавиле // Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII в. – М., 1986. – С. 226 (Приложение к монографии).

⁴⁹ Самосожжение // Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. – М., 1996. – С. 250.

⁵⁰ История Выговской старообрядческой пустыни. – С. 42.

⁵¹ Там же. – С. 58.

⁵² Плюханова М.Б. О национальных средствах самоопределения личности... – С. 427.

возникновение с мифологическим сознанием. Некоторые современные исследователи, как, например, А.Т. Шашков, поддались романтическому желанию отождествить древние погребальные обряды и старообрядческие самосожжения, выстроив красивую, но совершенно безосновательную концепцию о прямой преемственности между славянами-язычниками и старообрядцами. Можно сказать, что дохристианские представления существенно помогли старообрядцам в их проповеди «огненной смерти», подготовив почву для принятия жителями России столь необычного учения. Языческое влияние не стоит преувеличивать. Тем не менее при исследовании причин выбора самосожжений как предпочтительной формы добровольной смерти не стоит забывать о народных традициях и обрядах. Как полагает М.В. Завьялова, «почитание огня как космического элемента, лежащего в основе мироздания, известно всем народам... Огонь служит одновременно и оберегом, и угрозой, и страшной силой, от которой просят защиты, и средством лечения»⁵³. На Европейском Севере России это восприятие огня заметно отразилось в народной культуре. Так, у карелов применялись разнообразные способы очищения огнём: местные колдуны (патьвашки) заставляли жениха и невесту перешагнуть через огонь, что, по сути дела, являлось ритуальной имитацией самосожжения⁵⁴. В Ярославской и Олонецкой губерниях бросают в могилу медные монеты для уплаты за перевоз через огненную реку, которую придётся покойному преодолевать⁵⁵.

Народные верования стали важным подспорьем для старообрядцев-самосожженцев, но на первый план в их проповеди выдвигались богословские аргументы и анализ происходящих в стране событий, которым придавалась эсхатологическая окраска. К массовым самоубийствам, как полагали старообрядцы, подталкивал приход Антихриста (с которым в разное время отождествлялся патриарх Никон, царь Алексей Михайлович, император Пётр I), обретение им власти и стремительные изменения в окружающем мире: «Антихрист легко узнавался через проявляемый им бунт против традиционных, своих ценностей»⁵⁶. К признакам власти Антихриста старообрядцы относили гонения на «староверцев», изменения в налогообложении (введение подушной подати) и летоисчислении⁵⁷. Одним из самых тяжких обвинений стала отмена патриаршества, «дабы ему (Петру I. – М.П.) единому властвовать, не имея равна себе»⁵⁸. Таким образом, «в условиях раскола возродился эсхатологический дух первохристианства»⁵⁹. Противники самосожжений из числа старообрядцев оказывались в непростом положении: отставая отказ от массовых самоубийств, они покушались, на самую основу старообрядческого вероучения – эсхатологические представления.

⁵³ Завьялова М.В. Семантическое поле «огонь» в русских и литовских заговорах // Балто-славянские исследования 1997. – М., 1998. – С. 374.

⁵⁴ Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность. – Л., 1977. – С. 120.

⁵⁵ Юрганов А.Л. Указ. соч. – С. 362.

⁵⁶ Асонов А.В. Древнерусский эсхатологический патриотизм и военная неудача под Нарвой (попытка историософского анализа) // Старообрядчество: история, культура, современность. – М., 1999. – С. 25.

⁵⁷ Собрание от Святого Писания об Антихристе // Пётр I в русской литературе XVIII в. – СПб., 2006. – С. 306–319.

⁵⁸ Там же. – С. 312.

⁵⁹ Плюханова М.Б. О национальных средствах самоопределения личности... – С. 423.